

Дмитрий БЫКОВ

Родился в Москве в 1967 году. Окончил факультет журналистики МГУ. Прозаик, поэт, журналист, кинокритик, сценарист. Биограф Бориса Пастернака, Булата Окуджавы и Владимира Маяковского. Автор публицистических, литературоведческих, полемических статей, публиковавшихся во многих журналах и газетах, и десятков книг (романов, повестей, сборников стихов и т.д.). Награждён премией Союза журналистов России «Золотое перо России-2010». Трижды лауреат Международной литературной премии имени А. и Б. Стругацких за романы «Орфография», «Эвакуатор» и «ЖД»; дважды лауреат премии «Национальный бестселлер» за книгу «Борис Пастернак» и за роман «Остромов, или Ученик чародея» и других престижных литературных премий. С 1985 года работает в газете «Собеседник». Член Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

ОН ПРЕДСКАЗАЛ ПОЯВЛЕНИЕ «НАШИХ»

Борис Васильев всю жизнь был известен, прежде всего, как военный писатель, а между тем писать он хотел о современности - просто эта самая современность не хотела, чтобы он о ней писал.

Его первая повесть вовсе не «А зори здесь тихие», а «Иванов катер». Но «Зори» напечатали почти сразу, по ней сняли фильм, и он принес Васильеву (и пятерым главным героиням) мировую славу. А «Иванов катер» лежал в портфеле «Нового мира», и сам Твардовский смог только через три года напечатать эту горькую и яростную вещь о приходе нового человека, молодого циничного хищника, которому до людей вообще дела не было. И Марк Оси-

пян снял отличный фильм по этой повести. И фильм этот лежал на полке двадцать лет.

*Борис Васильев на вручении ему литературной премии
«Большая книга» в номинации «За честь и достоинство»*

«Не стреляйте в белых лебедей» - первый роман Васильева о современности. О тех самых новых людях, шагающих по головам. О несчастном и беспомощном представителе коренного населения - егере, романтике и пропойце. И о том, как все его попытки сделать мир и людей хоть чуть человечнее заканчиваются полным поражением, грубым и грязным. «Черное озеро так и осталось черным» - все запомнили эту фразу, одну из последних. Но я еще помню, как ругали эту вещь - за сусальность, за стилистическую избыточность... И опять Васильева запомнили как военного автора - «В списках не значился» стал самым популярным романом о Брестской крепости.

Но Васильев не останавливался - он продолжал писать о страшном новом человеке. Прогремел его «Экспонат №...» - история о том, как у старухи отняли последнее письмо, оставшееся от погибшего сына: надо было школьный музей открывать, требовались подлинные экспонаты. Точно так же прогремел и был многократно обруган рассказ «Вы чьё, старичьё?» - снова о беззащитности, о старости, никому не нужной. Задолго до «Ворошиловского стрелка» написал он повесть «Суд да дело» - о мести ветерана; эту повесть вообще рискнула напечатать тогда только ленинградская «Аврора», где иногда удавалось пробить что-то заведомо непроходимое. Там у него ветеран застрелил подонка, который над ним откровенно глумился. Вещь была спорная, и многие, кстати, ветерана горячо осудили: нельзя же убивать-то! А Васильев и не оправдывал никого. Он просто говорил: на нас сегодня пришли не внешние захватчики, а внутренние, вот такие.

Что с ними делать? Фактически он предсказал тех самых, из которых лепили потом будущих «Наших». «Наше» это почувствовали и поспешили Васильева присвоить: меняли книги Сорокина и Пелевина на сборники Васильева. Васильев-то ведь первым написал о всепобеждающем молодом цинизме - как было не отреагировать?

Он никогда не боялся стилистических «переборов», как называл это его первый редактор Полевой; не боялся взять нотой выше, высказаться радикальнее, предупредить раньше. Он понимал: сейчас дело не в стиле, а уравновешенность - не главная добродетель. Сейчас нужно любой ценой растопить новый лед, напозающий на страну. Он понимал, что в девяностых победила вовсе не свобода, а именно новый цинизм. И боролся с ним так, как умел, - срывая голос.

Его проза останется. И останется его читатель, который с семидесятых годов понимал: все простительно, кроме презрения к человеку.